
**ЭТНОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, ЭТНОНИМИКА,
ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ
ETHNOCULTUROLOGY, ETHNONYMY,
LANGUAGE CONTACTS AND LANGUAGE PLANNING**

*Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 8 (490). С. 238–247.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;(8(490):238-247.*

Научная статья

УДК 81

doi: 10.47475/1994-2796-2024-490-8-238-247

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

Раиса Гандыбаловна Жамсаранова

Забайкальский государственный университет, Чита, Россия, rebeca_zab@mail.ru, 0000-0002-1275-6396

Аннотация. Топонимия Восточного Забайкалья отличается наличием выявленного и описанного состояния топонимических субстратных пластов, связанных, в том числе, и с дагурским субстратом. При описании дагуроязычных топонимов в топонимии Восточного Забайкалья, акцентируется исследовательское внимание на информацию этнокультурного происхождения, а именно, о наличии городков /городищ по данным региональной топонимики. Задачами частного характера являются попытки описания историко-этнографической специфики дагурских топонимов. В этом плане мы связываем как значение изучаемых топонимов с историческими реалиями, так и «реконструируем» историческое прошлое народностей исторической Даурии посредством топонимики, начиная с понятий «Даурия», «Селенгинская Даурия», «Нерчинская Даурия». Во-первых, даны этимологии ряда ойконимов, которые в лексико-семантическом отношении непосредственно связаны с именованием поселений из лексики дагурского языка — торс ‘деревня, селение, село’ и «оставшихся» в наименовании тарас(ы) в работах историков и археологов; котун ‘город’ в дагурском языке вообще. Данный апеллятив дагурского языка является апеллятивом общемонгольского происхождения, имея параллели во всех монгольских языках: хот I ‘1) город. 2) хотон, группа юрт. 3) стойбище; загон для скота’ /монг./; хото I ‘город’ /бур./ Во-вторых, введены в научный оборот как документы архивного происхождения, свидетельствующие о разного рода морфологических перестройках ойконимов, так и информация, представляющая этнокультурную специфику и краеведческую ценность топонимов. В-третьих, результаты описания ряда ойконимов, номинативно связанных в лексико-семантическом отношении с дагуроязычными именованиями укрепленных фортификаций или «городков», раскрывают неоднозначность понимания т. н. кочевой цивилизации, имевшей в своей многовековой практике как города, так и фортификационные сооружения.

Ключевые слова: дагурская топонимика, Восточное Забайкалье, укрепленные сооружения, дагурские «городки»

Благодарности. Исследование выполнено в рамках и при финансовой поддержке гранта РНФ № 24-28-20067 «Нарративы исторической Даурии как содержательный компонент туристического кластера Забайкальского края».

Для цитирования: Жамсаранова Р. Г. Этнокультурный аспект субстратной топонимии Восточного Забайкалья // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 8 (490). С. 238–247. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-490-8-238-247.

Original article

ETHNOCULTURAL ASPECT OF SUBSTRATE TOPONYMY OF EASTERN TRANSBAIKALIA

Raisa G. Zhamsaranova

State University of Transbaikalia, Chita, Russia, rebecca_zab@mail.ru, 0000-0002-1275-6396

Abstract. The toponymy of Eastern Transbaikalia is distinguished by the presence of an identified and described state of toponymic substrate layers, associated, among other things, with the Dagur substrate. When describing Dagur-language toponyms in the toponymy of Eastern Transbaikalia, research attention is focused on information of ethnocultural origin, namely, the presence of towns/fortifications according to the results of the regional toponymy. Tasks of a particular nature are attempts to describe the historical and ethnographic aspects of Dagur toponyms, thereby connecting both the meaning of the studied toponyms with historical realities, and a kind of “reconstruction” of the historical past of the peoples of historical Dauria through toponymy, starting with the concept of “Dauria”. In this regard, we connect both the meaning of the studied toponyms with historical realities, and by “reconstructing” the historical past of the peoples of historical Dauria through toponymy, starting with the concepts of “Dauria”, “Selenga Dauria”, “Nerchinsk Dauria”. Firstly, the etymologies of a number of oikonyms have been given, which in lexico-semantic terms are directly related to the naming of settlements from the vocabulary of the Dagur language - tors ‘village, village’ and “remaining” in the name Taras(s) in the works of historians and archaeologists; kotun ‘city’ in the Dagur language in general. This appellative of the Dagur language is an appellative of common Mongolian origin, having parallels in all Mongolian languages: hot ‘I 1) city. 2) khoton, a group of yurts. 3) camp; cattle yard’ /Mong./; khoto I ‘city’ /Bur./. Secondly, both documents of archival origin, indicating various kinds of morphological rearrangements of oikonyms, and information representing the ethnocultural specificity and local history value of toponyms introduced into scientific circulation. Thirdly, the results of the description of a number of oikonyms, nominatively related in lexico-semantic terms to the Dagur-language names of fortified fortifications or “towns”, reveal the ambiguity of understanding the so-called a “nomadic civilization” that had both cities and fortifications in its centuries-old practice.

Keywords: Dagur toponymy, Eastern Transbaikalia, fortified constructions, Dagur “towns”

Acknowledgments. The article is written with the financial support of the Russian Science Foundation grant No. 24-28-20067 “Narratives of historical Dauria as a meaningful component of the tourism cluster of the Transbaikal Territory”

For citation: Zhamsaranova RG. Ethnocultural aspect of substrate toponymy of Eastern Transbaikalia. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(8(490):238-247. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-490-8-238-247.

Введение

Статья посвящена описанию дагурских (даурских) топонимов как ономастических артефактов, содержащих ценный этнокультурный компонент, связанный с именованиями укрепленных городищ, известных как «даурские городки». Ценность этого компонента связана с историко-политическими событиями почти 800-летней давности, происходившими на исследуемой территории, известной как «историческая Даурия».

Условно в историографии историческую Даурию подразделяют на «Нерчинскую Даурию» и «Селенгинскую Даурию», что связано, по всей видимости, с административно-территориальным делением данной территории как «Даурия» на Республику Бурятия и Забайкальский край в современном состоянии. Топонимическими «маркерами» этого деления явились не только гидронимы Нерча и Селенга, но и такое понятие как «Нерчинский уезд XVII–XIX вв.». Полагаем,

что ареально т. н. Нерчинская Даурия понималась гораздо объемнее, включая не только центральные и северо-восточные районы Восточного Забайкалья, но и современные северно-западные территории сопредельного Китая (Маньчжурию) и Монголии. Согласно исследованиям российских историков в т. н. Нерчинскую Даурию входило ареально и Приморье, включая бассейны рек Амур и Сунгари.

Вся эта территория именовалась в Отписках русских казаков «Даурской землицей» или попросту «в Дауры». Полагают, что название «новой землице» было дано по «прозвищу» народа дауры. По мнению краеведа В. Ф. Балабанова «первые сведения о Даурии появляются в первой половине семнадцатого века» [Балабанов, 2003, с. 21]. О даурском князе Ботоге сообщил якутский воевода П. П. Головин, упоминая в «Отписке» о многих «даурских конных людях». Были сообщения о «доурском князе Лавкае

со товарищи», которые «плавят серебро, и руды серебряные много. И то серебро расходится по многим волостям и по улусам в продаже, а продают серебро на соболи. А соболи у них на Шилке реке покупают китайские люди на камни и всякие товары» [там же, с.21]. В. Ф. Балабанов полагает, что именно в текстах «Отписок» служивых казаков Бекетова эти земли за Байкалом были впервые упомянуты как «земли Даурские» [Балабанов, 2003, с. 67]. Со временем это именование прочно вошло в тексты разных документов, к примеру, «Наказ Афанасью Филипповичу Пашкову на воеводство в Даурской земле». Данный документ датирован 1655 г. в документах Сибирского приказа [там же, с. 67].

Таким образом, извлечения из письменных архивных документов, приведённые в книге В. Ф. Балабанова «История земли Даурской», дают основание предполагать об «исчезнувшем» народе — даурах. Последние результаты забайкальской ономастики позволяют предполагать о естественном дагуроязычном топонимическом субстрате в топонимии Восточного Забайкалья. Ранее мы уже описывали дагурские топонимы внутри обширного монголоязычного топонимического субстрата [Жамсаранова, 2023, с. 121–126].

В настоящее время дауры, как один из монголоязычных народов, проживают на территории Маньчжурии, северо-запада Китайской Народной Республики. «Исчезновение» дауров как народности в пределах Нерчинской Даурии обусловлено, по-видимому, историко-политическими обстоятельствами. И в этом плане нельзя исключать т. н. «наказа» от верховных властных структур царской России, когда именно в период разграничения границ между Российской империей и империей Цинь (Маньчжурией) и появились наименования автохтонного населения как «тунгусы» («нерчинские») и «инородцы» (буряты).

Первым и законодательно утвержденным официальным документом, согласно пунктам которого и проходило разграничение границ между Россией и государством Цинь (Цинь), считается Бури́нский договор. Известно, что «Бури́нский догово́р (Бури́нский трактат) — это договор о разграничении, заключённый между Российской империей и империей Цинь 20 (31) августа 1727 г. Был подготовлен в период Посольства в Китай (1725–1728) и подписан после переговоров в пограничном районе на реке Буре российским послом С. Л. Рагузинским-Владиславичем и уполномоченными правительства Цинской империи».

Однако по факту Бури́нский договор являлся дополнительным к Нерчинскому договору за 1689 г. Бури́нский договор имел уточняющий характер по определению тех спорных участков, которые были упущены Нерчинским договором от 1689 г. В итоге, российско-китайская граница была определена к западу от реки Аргунь до перевала Шабин-Дабат (Западные Саяны) согласно Бури́нскому договору, представляющим более легитимный документ по сравнению с Нерчинским. Позднее, уже в 1727 г., эти границы были окончательно закреплены Кяхтинским договором, и основанием послужили дополнительные условия Бури́нского договора.

Следует отдать должное чиновнику царской России С. Л. Рагузинскому-Владиславичу, которому удалось избежать притязаний маньчжурской стороны на территории, населённые уже российскими подданными — нерчинскими тунгусами и инородцами-бурятами. Согласно его политике, разграничение границ проходило по принципу т. н. «породных земель» («каждый владеет тем, чем владеет теперь»), когда родовые земли, на которых обитали будущие ясачные царской России, и становились автоматически землями уже нового государства — российской империи. Видимо, по этой причине в ревизиях за 1816, 1823, 1830–1831 и 1857–1858 гг. по сбору ясака не встречаются название племени или рода как «дауры».

В этом аспекте по-своему любопытны метания предводителя т. н. «тунгусского» населения под предводительством Гантимура, который в итоге принял российское подданство, титул князя, закрепив, таким образом, свои т. н. «породные земли» на территориях в пределах исторической Даурии, а именно Нерчинской Даурии. В разных источниках Гантимура иногда называют и «дагурским» князьком. Князь Гантимур известен как предводитель т. н. «нерчинских тунгусов» Нерчинского уезда, будучи родоначальником Урульгинской степной думы [Жамсаранова, 2018].

Очевидно, что тем племенам, мелким родоплеменным сообществам Северной Азии, с приходом русских было необходимо самоопределиться, приняв то (китайское) или иное (русское) подданство. Немаловажную роль в этой ситуации сыграли как политические, так и этноязыковые предпочтения тех народов, которые, оказавшись в трансграничном «положении» перешли на сторону российской империи, «предав или изменив» таким образом, тем, кого они также считали своими «родовичами».

Отставив в сторону историко-политические причины «исчезновения» дауров Нерчинской Даурии, мы предлагаем считаться с научно обоснованной гипотезой наличия даурского этноязыкового элемента в составе автохтонного населения данной территории. По-другому, современные эвенки, эвены, буряты и «тунгусы» Гантимура — это те, кто в своем этническом прошлом и являются потомками тех дауров (или «доуров»), коих и застали первые казаки во второй половине XVII в., придя на исследуемую территорию. «Оставшиеся» в пределах Маньчжурии те родоплеменные объединения, которые представляют собой часть именно той автохтонной общности, по именованию которой и образовались такие понятия как Нерчинская Даурия, Селенгинская Даурия, и составляют ту общность под именованием «дауры». В основном, это центральные и северо-восточные районы Забайкальского края, включая и другие территории Забайкальского края — Петровск-Забайкальский, Красночикоийский, Приаргунский, расположенные к юго-западу края и примыкающие к территории Республики Бурятия.

Основная часть

Одной из задач статьи является введение в научный оборот и конкретное описание понятия «Нерчинской Даурии» как населенной территории, вполне обжитой, со своими «городками».

Так, якутский воевода П. П. Головин писал царю Михаилу Федоровичу о даурском князце Ботоге, обитавшем в бассейне рек Кутомара и Витима, следующее: «...а юрты де, государь, у того князца Ботоги р у б л е н ы е [разрядка наша. — *Прим. авт.*], и скота де, государь, у того князца Ботоги всякого и соболя много, и серебро де у него Ботоги есть, <> даурские конные многие люди, а бой у них лучной, а язык де, государь, у них свой, с якутским и тунгусским языком не сходитца...» [Балабанов, 2003, с. 21].

О наличии «городков» как поселений оседлого характера было упомянуто и в текстах «Отписок» казаков Пашкова. Эти поселения, вероятно, и являются теми древнемонгольскими городищами, описанными в своё время историками — С. В. Киселевым, А. Р. Артемьевым, Н. Н. Крадиным и др. Цель данной статьи — сопряжение упоминаемых «городков» или городищ как тех даурских городищ (или «городков») с топонимическими данными Восточного Забайкалья. Достигнуть этого возможно посредством «топонимической реконструкции» локаций былых даурских городков или городищ.

К примеру, нас заинтересовало упомянутое А. Р. Артемьевым название укрепленных городищ как *тарасы* [Артемьев, 1998, с. 140–147]. А. Р. Артемьев пишет, что, пришедшие казаки строили на колонизируемых землях на востоке т. н. ясачные зимовья или остроги во второй половине XVII в. Эти строения были предназначены как для обороны от «немирных» тунгусов, так и для сбора ясака. «Некоторые остроги в дальнейшем получили укрепления в виде городен или Тарасов и стали именоваться в приказной документации «городами». Дерево-земляные крепости и бастионы возводились в этот период только там, где возникала угроза столкновения с войсками маньчжурского Китая, вооруженными пушками» [Артемьев, 1998, с. 145].

Упомянутое А. Р. Артемьевым загадочное наименование острогов как «тарасы» мы связываем с апеллятивом дагурского языка — *торс* ‘деревня, селение, село’. Мы полагаем, что лексема *торс* или испорченное *тарас(ы)* это заимствованное название укрепленных сооружений из дагурского языка в русский, т. е. это наименование укреплений «осталось» со времен дауров.

На основании данной гипотезы о лексико-семантическом начале ряда восточно-забайкальских топонимов от дагурского *торс* ‘деревня, селение, село’ мы объединяем ойконимы ДАРАСУН, КУРОРТ ДАРАСУН, станция ДАРАСУН, железнодорожный разъезд ТАРСКАЯ, расположенный на Транссибе в один ряд как дагуриязычных топонимов, включая и ороним ТАРСКАЯ в окрестностях села Адриановка (Карым.).

Помимо ойконимов с основой на *торс* ‘деревня, селение, село’ к дагурским топонимам мы относим оронимы ТАРСКАЯ, п. (Карым.), ТАРАСКИНА, п. (Карым.), ТАРАСАХА, п. (Нерч.). (окр. с. Арбагар), ТАРСКАЯ, п. (Черныш.) (окр. с. Байгул) (Черныш.), которые также, вероятно, образованы от дагурского *торс* ‘деревня, селение, село’.

Другими словами, можно определить локацию этих топонимов, прежде всего, ойконимов, как места расположения «городен» или «тарасов» эпохи до-русского периода истории Даурии. Также следует заметить о наличии такого явления как языковое «приспособление» субстратного топонима к языку-«приемнику», которым может являться, к примеру, и русский язык. В морфологии топонимов на Ш имеются суффиксальные окончания русского языка: -(к)ая, -(к)ина, -(а)ха, -(к)ая, -ун. Известно, что посредством морфемного «приращения» суффиксальных маркеров

субстратные топонимы «вживаются» в топонимическую систему, приобретая, таким образом, условно «русскоязычную» морфологию. Однако топооснова при этимологизации субстратного топонима наряду с методикой «расшифровки» онама, общепринятыми в топонимике, играет весьма важную роль, «оставаясь» языковым маркером субстрата.

Заметим, что кочевая цивилизация отличалась наличием довольно монументальных строений, такими как Кондуйское городище (резиденция средневековых монгольских феодалов) или Хирхира (Хирхириновское городище), описанными в трудах С. В. Данилова [Данилов, 2004; 2014, с. 4–14].

Историография древнемонгольских городищ, практика их возведения в эпоху Средневековья подробно описана в трудах отечественных историков и археологов [Киселев, 1965; Данилов, 2004; Крадин, 2018]. Раскопанные остатки (драконоподобные изваяния, размеры и масштабы строений) дворцовых построек Хирхириновского городища (на юге Забайкальского края, в Приаргунском районе), определяемого Н. Н. Крадиным и авторами как «дворцового комплекса», дают основание связывать дворец с представителями высших слоев монгольского государства — Чингизидами, кровно связанными с самим основателем Чингиз-ханом [Крадин, 2018, с. 64–80]. Подобного рода археологические находки в виде драконов, высоких балюстрад, деревянных колонн внутри дворцового здания, поливной черепицы красного, жёлтого и зелёного цветов, были описаны археологами и на месте Кондуйского городища [Крадин, 2002; Артемьев, 2003] как типовые застройки дворцовых построек эпохи монголов. Судя по исследованиям этих дворцов, соблюдались нормы архитектуры дворцового комплекса, включавшего воротное здание, дворец, парковую зону, располагавшихся вокруг дворца усадеб знати, жилищ ремесленного и простого люда.

Любопытно заметить, что ойконимы КОНДУЙ, КОНДУЙСКИЙ ГОРОДОК и топоним КОНДУЙСКОЕ ГОРОДИЩЕ (Борз.) можно пояснить из лексики дагурского языка, где апеллятивное *гундэн* означает ‘дворец’.

Нас также заинтересовали топонимы Восточного Забайкалья, топооснова которых, возможно, также связана как лексически, так и семантически с понятием городка *котун* ‘город’ в дагурском языке вообще. Данный апеллятив дагурского языка является апеллятивом общемонгольского происхождения, т. к. в Монгольско-русском

словаре лексема *хот* ‘1) город. 2) хотон, группа юрт. 3) стойбище; загон для скота’ близка бурятскому апеллятиву *хото* I ‘город’, как и дагурскому *котун* ‘город’. Таким образом, историография наличия т. н. «даурских городков» представлена и названиями, преимущественно, ойконимами, значения которых, по-видимому, сопряжены с разными именованиями населённых пунктов или поселений, описываемых в текстах Отписок первых колонизаторов как «городки».

Попробуем выделить топонимы, которые, предположительно, могут быть связаны с наименованием «городской» постройки средневекового монгольского общества на исследуемой территории. Прежде всего, мы выбрали ойконимы топонимии Восточного Забайкалья, значения которых мы определяем как общемонгольское именование «городских» построек. Это следующие ойконимы: КУТУГАЙ, с. (Алек.-Завод.), с. КУЙТУН (Краснокм.), с. КАТАЕВО (Петр.-Забк.), с. КОТЫЙ (Красноч.), с. КАЙДАЛОВО (Карым.), с. КАТУГИНО (Калар.), которые, на наш взгляд, образованы от монгольского *хот* город; от дагурского *котун* ‘город’.

В Энциклопедии Забайкалья по поводу поселения КАТАЕВО написано, что поселение «основано в 1744 г. казаками-земледельцами, занимавшимися земледелием и скотоводством». В советский период истории края в 1929 г. создана сельскохозяйственная коммуна, которая в 1930 г. была реорганизована в колхоз. В 1957 г. вновь произошло укрупнение путём присоединения колхозов сс. Кандобаево, Катаево, Обор, Усть-Обор в одно хозяйство, колхоз получил название имени XX партсъезда. В 1992 г. хозяйство реорганизовано в коллективное предприятие «Россия», действуют ООО «Катаевское» и СПК «Виктория».

На карте поселения КАТАЕВО и КАНДОБАЕВО располагаются близко по забайкальским меркам, чем и было обусловлено слияние советских колхозов в свое время.

Заметим, что ойконим КАТАЕВО представляет собой топоним, морфология которого «пре-терпела» изменения, т. к. согласно архивным документам — «Ведомости о крестьянских и иногородческих поселениях Забайкальской области с показаний народонаселения и учреждений, в них находящихся» за 1897 г., переписано и ещё одно селение КОТАЕВСКОЕ, рядом с деревней КОНДОБАЕВСКОЙ.

В КОТАЕВСКОМ (совр. КАТАЕВО) проживало всего 554 души «крестьянского сословия» и 53 души «некрестьянского сословия», всего

507 душ в 82 дворах. Имелась в селении «церковь деревянная, школа грамоты, сельское управление, хлебный запасной магазинь». Данные поселения относились к Малетинской волости, к которой относились и эти два поселения помимо остальных двенадцати. По-видимому, со временем село КОТАЕВСКОЕ уменьшилось по числу населения, тогда как бывшая деревня КОНДОБАЕВСКАЯ (47 дворов, 365 душ) уже в советские времена превратилась в довольно крупное село.

В архивном документе за 1897 г. с упоминанием всех бурятских улусов ведения Хоринской степной думы, а также всех поселений Верхнеудинского округа общим числом в 598 улусов (кочевых селений) упомянуто также еще одно поселение КОТОЙСКОЕ Байхорской волости (совр. Петр.-Забк. р-он). Впоследствии упоминается уже поселение КОТЫЙ, «превратившееся» впоследствии в современное КАТАЕВО. По документу за 1897 г. в селении КОТОЙСКОМ «число дворов крестьянского сословия — 79 душ; дворов жителей некрестьянского сословия — 1; мужских душ 266, женского — 258, итого 524 души; душ других сословий 7; всего душ 521». В этом селении имелось «сельское правление, запасный хлебный магазинь, деревянная церковь».

В Верхнеудинском округе имелась также и отдельная КУЙТУНСКАЯ волость, располагавшаяся в селении КУЙТУНСКОЕ, где проживало 3022 души, находилось волостное правление, церковь, училище и четыре экономических магазина. Эти ойконимы (КУЙТУНСКОЕ, КАТАЕВО, КОТОЙСКОЕ) можно отнести ареально к т.н. «Селенгинской Даурии», в пределах которой также функционировали «даурские городки» в своё время.

Ойконим КАНДОБАЕВО (Петр.-Забк.) вероятно также можно связать в лексическом отношении с дагурским *котун*, также претерпевшим изменения в своей структуре и измененным до формы, близкой к некоему антропониму, «благодаря» аффиксу русского языка -(ба)ево. Селение Кандобаево известно своим археологическим «прошлым» как памятник неолита. Это означает, что данное место издревле было облюбовано людьми как поселение, пригодное и удобное для обитания. Мы также не исключаем и возможности дополнительной версии по этимологии данного ойконима, а именно, от дагурского апеллятива *гундэн* 'дворец' подобно значению ойконимов КОНДУЙ (КОНДУЙСКОЕ ГОРОДИЩЕ; КОНДУЙСКИЙ ГОРОДОК). Не исключено, что и будущие археологические раскопки подтвердят гипотезу о былом наличии и на месте

села КАНДОБАЕВО неких дворцовых построек. Также значение ойконима КАНДОБАЕВО можно трактовать и от селькупского апеллятива *кэнтабы* 'устье (реки)', что дает основание более тщательного изучения как локации поселения, так и неких архивных документов на предмет исключения номинации поселения от имени первопоселенца во избежание ложной этимологии как отантропонимного топонима.

На территории бывшей Нерчинской Даурии (совр. Забайкальский край) к ойконимам дагурского языкового происхождения относятся ойконимы: КУТТЫГЕЙ, д. (совр. с. Средняя Кия). (Шилк.); КУЙТУН, д. (Краснокм.), КУТИ, д. (Приарг.), которые мы связываем с дагурским *котун* 'город'.

По-своему любопытны произошедшие как лексические, так и семантические трансформации ойконимов. К примеру, ойконим КУЙТУН, название на северо-востоке Краснокаменского р-на, можно «понимать» от бурятского апеллятива *хүйтэ(н)* 1) холод, мороз, стужа. 2) холодный; студёный; морозный; низкий (о температуре), что представляет собой пример межъязыковой омонимии, противореча тем самым принципам номинации в топонимике в общем.

Помимо ойконимов к возможному дагурскому стратиграфическому языковому пласту можно отнести и такие оронимы как КУТУН, п. (окр. жд. ст. Солнцева). (Шилк.); КОТЧИХА, ОТФ. (Шилк.). Агороним КОТЧИХА, возможно, также связан лексически с дагурским *котун* 'город'.

Как были укреплены даурские городки, можно понять из описания Албазинского острога как бывшего городка дауров. Албазинский острог известен в истории как русский военно-административный и культурно-конфессиональный центр.

Название свое острог «получил» по имени даурского князя Албазы. В 1650 г. этот острог или даурское городище («городок») был без боя занят отрядом Е. П. Хабарова, который через год в 1651 г. после зимовки был сожжен согласно приказу того же Хабарова. Однако позже данный острог был отстроен и использовался для сбора ясака.

В отношении наличия построек известно, что после новостройки данного острога в 1674 г. были отстроены три новые укрепленные башни (которые, по-видимому, и назывались *тарас(ами)*), православная часовня, амбар для хранения собранного ясака, избы казаков. «Служилых людей насчитывалось 109 чел. В последующие годы

часовню на территории острога сменила церковь Воскресения Христова. Именно в ней находилась одна из самых первых библиотек на Дальнем Востоке» [Артемьев, 1999].

Отдельный интерес представляет расположение Албазинского острога. Оказалось, что Албазинское городище или Албазинский острог располагался на высоком, а потому, недоступном с трех сторон, мысу в излучине реки. Укреплено было данное городище высокими насыпными, по всей видимости, дерево-земляными валами, которые, за исключением западного, имели на момент раскопок относительно неплохую сохранность, учитывая их «возраст». А. Р. Артемьев отмечает их типологическое сходство с подобного рода фортификациями европейской России: Витебска, Новгорода, Москвы, Пскова.

«Вблизи Албазинского городища сохранились осадные сооружения маньчжуров, а в 4 км выше острога по течению Амура обнаружены остатки слободы, располагавшейся при Спасском монастыре, основанном иеромонахом Гермогеном и просуществовавшем с 1671 по 1685» [Артемьев, 1999].

Примечательно, что ряд атрибутов Албазинского острога хранятся в музеях Москвы, Санкт-Петербурга и Благовещенска как артефакты периода присоединения Дальнего Востока к Российской империи.

При описании дагуроязычной субстратной топонимии выявилась довольно любопытная деталь, когда вторичное языковое сознание реципиента топонимической системы «приспосабливает» субстратный топоним к нормам своей этноязыковой топонимии. Некоторые из этих ойконимов имеют (как будто) отантропонимное начало, к примеру, ойконим КАЙДАЛОВО, которое как будто имеет отантропонимное начало.

Однако в изданиях с краеведческим содержанием и системно представленными в электронном проекте, включая и издание «Здесь мы живём, и край нам этот дорог!» [Мухамедьярова, 2021], пока нет достоверных фактов о некоем первопоселенце Кайдалове, что исключает отантропонимное происхождение данного ойконима. Вышеупомянутое издание посвящено истории Карымского района Забайкальского края, предоставляет сведения об истории возникновения поселений отдельной территории наряду с предпринятыми попытками пояснения некоторых топонимов, и создано на обширном материале как архивных документов, так и полевых записей автора [Мухамедьярова, 2019, с. 191–197].

Топонимический субстрат, как правило, в случае своей деэтимологизации претерпевает случаи переосмысления, что, вероятно, и произошло с ойконимом КАЙДАЛОВО, в частности. С одной стороны, действительно, фамилия Кайдалов является довольно распространенной фамилией русских Забайкалья. Краевед Т. В. Мухамедьярова упоминает быличку о некоем «Сеньке Кайдалове, по имени которого и образовано, якобы, поселение». При этом не найдены какие-то достоверные сведения об этом «первопоселенце» ни в архивах, ни в семейно-фамильных быличках жителей села. Тогда как по истории образования другого ойконима имеются вполне достоверные сведения: «селение Адриановка в Карымском районе названо по имени Григория Васильевича Адрианова - инженера путей сообщения, внёсшего большой вклад в развитие железной дороги в Карымском районе; в честь него переименована станция Ундурга в станцию Адриановка» [Мухамедьярова, 2019, с. 193].

В Энциклопедии Забайкалья о селении КАЙДАЛОВО написано, что село основано около 1706 г. крестьянами, приписанными к Нерчинскому правлению, в обязанности которых «входило хлебопашество и обслуживание Московского тракта». В последующие годы построена деревянная церковь (1829 г.), в 1868 г. — каменная Свято-Троицкая церковь. Постепенно крестьяне этого селения приобрели статус казацкого сословия со всеми имеющимися преференциями по сравнению со своим былым статусом инородцев-тунгусов. В последующем, а именно, в 1851 г. Кайдалово получило статус станицы с атамановским правлением, исправно исполняя службу российских казаков до начала гражданской войны 1918–1922 гг. При строительстве Транссиба, когда в окрестностях села пролегла Забайкальская железная дорога, появился разъезд КАЙДАЛОВО (1897 г.).

Мы склонны полагать, что ойконим КАЙДАЛОВО это «испорченное» или же переосмысленное наименование дагурского городка, и ранее это поселение могло называться просто Котун, например. К тому же нет однозначного разрешения вопроса об этноязыковой принадлежности тунгусов под началом Гантимурова, о котором в некоторых источниках написано, что он, якобы, считался дагурским родоначальником. Как и возникает закономерный вопрос в отношении земледельческого образа жизни тех самых «крестьян», приписанных, по-видимому, ранее к ведению Урульгинской степной думы. Извест-

но, что некоторые роды тунгусов князя Гантимура (к примеру, Почегорский род Хрисанфа Нарышкина) занимались хлебопашеством, т. е. были земледельцами [Жамсаранова, 2018, с. 176]. Поэтому приписывать к даурам только какие-то из тунгусо-маньчжурских и монголоязычных хори-бурят как оленеводов и скотоводов-степняков пока преждевременно, вопрос требует своего дальнейшего исследования. Известный исследователь дагуров Б. Х. Тодаева пишет «Традиционным и основным занятием дагуров является земледелие. Подсобным являются сплавление леса, охота в горах, скотоводство» [Тодаева, 1986, с. 9]. Другими словами, дауры и занимались земледелием, отличаясь тем самым от эвенков, эвенов и бурят.

Заключение

Таким образом, дагуроязычный субстратный ойконимикон в топонимии Восточного Забайкалья представляет собой вполне функционально значимый пласт названий. Все эти топонимические локации имеют типологическое сходство как по месту расположения описываемых городищ (острогов), т. е. большинство из них, по-

димому, располагались на высоких мысах, будучи неприступными со стороны рек. Защитникам было необходимо оборонять только одну сторону крепости, которая, естественно, была также укреплена за счет дерево-земляных валов.

Прослеживается т. н. «преемственность» факта обжитости населением примерно одних и тех же локаций, отраженная в своде ойконимов Забайкалья как именовании поселений. При этом некоторые дагурские ойконимы как названия мест поселений с весьма давних времен подтверждаются расположением археологических памятников.

К примеру, известна ДАРАСУНСКАЯ археологическая культура [Кириллов, 2000], артефакты которой относятся к поселениям человека со времен хунну, т. е. к середине I тысячелетия до н. э. Другими словами, ареально историческая Даурия связана с весьма древней кочевой цивилизацией, в пределах которой возводились и дворцовые постройки, и городки как фортификационные сооружения с весьма древней практикой их возведения и использования на протяжении всего периода истории Северной Азии.

Список литературы

1. Артемьев А. Р. Строительство городов и острогов Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII веке и типы оборонительных сооружений // Отечественная история. № 5. 1998. С. 140–147.
2. Артемьев А. Р. Средневековые поселения Забайкалья // Забайкалье в геополитике России: материалы Междунар. симпозиума «Древние культуры Азии и Америки» (Чита, 26 авг. – 1 сент. 2003 г.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 107 с.
3. Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во 2-й пол. XVII – нач. XVIII в.: (Ист.-археол. исследования) / Отв. ред. Н. В. Кочешков. Владивосток: РАН. Дальневост. отд-ние. Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 1999. 335 с.
4. Балабанов В. Ф. История земли Даурской. Чита: Эффект, 2003. 400 с.: ил., фот.
5. Данилов С. В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 202 с.
6. Данилов С. В. Города Центральной Азии эпохи Монгольской империи XIII–XIV вв.). // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 1. С. 4–14.
7. Древнемонгольские города / авторский коллектив: С. В. Киселев, Л. А. Евтюхова, Л. Р. Кызласов [и др.] ; Академия наук СССР, Институт археологии. Москва : Наука, 1965. 371 с., [34] л. ил.
8. Жамсаранова Р. Г. Тунгусы князя Гантимура : в 2 ч. Ч. 1. Чита: ЗабГУ, 2018. 252 с.
9. Жамсаранова Р. Г. Топонимы даурского языкового происхождения // Материалы Национальной научно-практической конференции ВСГУТУ «Социальные и гуманитарные науки. Юриспруденция». Улан-Удэ: ВСГУТУ, 2023. С. 121–126.
10. Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Кириллов О. И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточного Забайкалья. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. 176 с.
11. Крадин Н. П. Архитектурные памятники Кондуя // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток, 2002. С. 233–244 : ил.
12. Крадин Н. Н., Бакшеева, С. Е., Прокопец, С. Д. // Города и дворцы монгольской империи в Восточном Забайкалье // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 64–80.

13. Мухамедьярова Т. В. История заселения территорий, возникновение населённых пунктов Карымского района Забайкальского края // Вестник дальневосточной государственной научной библиотеки. 2021. № 1 (90). С. 54–63.
14. Мухамедьярова Т. В. Топонимика Карымского района Забайкальского края // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2019. № 2 (83). С. 191–197.
15. Todaeva B. X. Дагурский язык / Редактор Г. Д. Санжеев. М.: «Наука», 1986. 187 с.

References

1. Artem'ev AR. Stroitel'stvo gorodov i ostrogov Zabajkal'ya i Priamur'ya vo vtoroj polovine XVII-XVIII veke i tipy oboronitel'nyh sooruzhenij = Construction of cities and forts in Transbaikalia and the Amur region in the second half of the 17th and 18th centuries and types of defensive structures. *Otechestvennaya istoriya = National history*. 1998;(5):140-147. (in Russ.).
2. Artem'ev AR. Srednevekovye poseleniya Zabajkal'ya = Medieval settlements of Transbaikalia. *Zabajkal'e v geopolitike Rossii: materialy mezhdunar. simpoziuma «Drevnie kul'tury Azii i Ameriki» = Transbaikalia in the geopolitics of Russia: materials of the International Symposium "Ancient Cultures of Asia and America"* (Chita, 26 avg. – 1 sent. 2003 g.). Ulan-Ude: Izd-vo BNC SO RAN, 2003. 107 p. (in Russ.).
3. Artem'ev AR. Goroda i ostrogi Zabajkal'ya i Priamur'ya vo 2-j pol. XVII – nach. XVIII v. = Cities and forts of Transbaikalia and the Amur region in the 17-18th cc.: (Historical-archaeological research) = monograph : Institute of History, Archaeology and Ethnology Institute of History, Archaeology and Ethnology Far- Eastern Branch of the RAS, 1999. 335 p. Vladivostok. 1999. 335 p. (in Russ.).
4. Balabanov VF. Istoriya zemli Daurskoj = History of the Daurian land : monograph. Chita. 2003. 400 p. (in Russ.).
5. Danilov SV. Goroda v kochevyh obshchestvah Central'noj Azii = Cities in nomadic societies of Central Asia: monograph. Ulan-Ude. 2004. 202 p. (in Russ.).
6. Danilov SV. Goroda Central'noj Azii epohi Mongol'skoj imperii XIII–XIV vv.). = Cities of Central Asia during the Mongol Empire (13-14th centuries). *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Buryat State University*. 2014;(1):4-14. (in Russ.).
7. Drevnemongol'skie goroda =Ancient Mongolian cities / SV Kiselev, LA Evtyuhova, LR Kyzlasov [et al.]; Akademy of Sciences, Institute of Arheology. Moscow. 1965. 371 p. (in Russ.).
8. Zhamsaranova RG. Tungusy knyazyza Gantimura. = Tungus of Prince Gantimur: in 2 parts. Part 1: monograph. Chita. 2018. 252 p. (in Russ.).
9. Zhamsaranova RG. Toponimy daurskogo yazykovogo proiskhozhdeniya = Toponyms of Daurian linguistic origin. Materials of VSUTU National Scientific and Practical Conference "Social and Humanitarian Sciences. Jurisprudence". Ulan-Ude. 2023. Pp. 121-126. (in Russ.).
10. Kirillov II, Kovychev EV, Kirillov OI. Darasunskij kompleks arheologicheskikh pamyatnikov. Vostochno-g Zabajkal'ya. = Darasun complex of archaeological monuments. Eastern Transbaikalia : monograph. Novosibirsk. 2000. 176 p. (in Russ.).
11. Kradin NP. Arhitekturnye pamyatniki Konduya = Architectural monuments of Konduy. *Arheologiya i kul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka = Archeology and cultural anthropology of the Far East*. Vladivostok, 2002. Pp. 233-244 (in Russ.).
12. Kradin NN, Baksheeva SE, Prokopec SD. Goroda i dvorcy mongol'skoj imperii v Vostochnom Zabajkal'e = Cities and palaces of the Mongol Empire in Eastern Transbaikalia. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya = Siberian historical research*. 2018;(2):64-80. (in Russ.).
13. Muhamed'yarova TV. History of the settlement of territories, the emergence of settlements in the Karymsky district of the Trans-Baikal Territory. *Vestnik dal'nevostochnoj gosudarstvennoj nauchnoj biblioteki. = Bulletin of the Far Eastern State Scientific Library*. 2021;(1(90):54-63. (in Russ.).
14. Muhamed'yarova TV. Toponymy of the Karymsky district of the Trans-Baikal Territory. *Vestnik Dal'nevostochnoj gosudarstvennoj nauchnoj biblioteki = Bulletin of the Far Eastern State Scientific Library*. 2019;(2(83):191-197. (in Russ.).
15. Todaeva BH. Dauruskij yazyk = The Daur Language. Ed. G.D. Sanzheev. Moscow: Nauka. 1986. 187 p. (in Russ.).

Информация об авторе

Р. Г. Жамсаранова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры китайского языка Забайкальского государственного университета.

Information about the author

R. G. Zhamsaranova — Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Chinese Department of Transbaikalian State University

Статья поступила в редакцию 20.05.2024; одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 24.09.2024.

The article was submitted 20.05.2024; approved after reviewing 10.07.2024; accepted for publication 24.09.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.